

турная традиция басни также не исключала использование просторечия. Обращение к живой речи (на фоне строго сознаваемой книжно-литературной нормы) тут оказывалось органически связанным с зарождением и проявлением новых, даже оригинальных факторов басенного жанра — композиционно-художественных и экспрессивно-повествовательных. Именно в экспрессивной мобилизации народно-речевых элементов раёшника находит книжник Евфимий средства памфлетно-сатирического преломления традиционных басенных сюжетов, равно как и средства концентрированного гротеска и даже личных интонаций то иронического, то негодующего рассказчика, — особенности, так характерные впоследствии для притч А. П. Сумарокова и столь знакомые нам по выпадам Сумарокова против его литературных противников. Разумеется, масштабы такой мобилизации не идут ни в какое сравнение с сумароковскими, но тем не менее басне в России XVII в. они знакомы. И выявление и прослеживание возможных тут преемственных связей или зависимостей были бы небезынтересными как для исследования поэтики и стилистики сумароковской притчи, так и для истории самой русской басни в целом.

В свое время Белинский писал по поводу басни: «Выдумать сюжет для басни теперь ничего не стоит, да и выдумывать не нужно: берите готовое, только умеете рассказать и применить. Рассказ и цель — вот в чем сущность басни; сатира и ирония — вот ее главные качества». Высшее воплощение этих качеств Белинский находил в баснях Крылова. Но поиски и становление живых повествовательных форм басни и ее сатирических качеств на Руси намечаются задолго и очень задолго не только до Крылова, но даже и до Сумарокова.
